

ПАРАДОКСЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ И ПОЛИТИКА

Р. И. Хасбулатов

Представлен обзор эволюции экономических теорий, условий, которые привели к формированию их современных направлений. Определяющее место занимает анализ возникновения классических, неоклассических и кейнсианских доктрин, которому способствовали рост и развитие производительных сил (факторов производства), формирование крупных корпораций-монополистов и технологический прогресс. Мощные мировые кризисы (1929–1933 гг.) и другие потрясения капиталистической системы вызвали к жизни доктринальную теорию, альтернативную классической. Она полвека являлась теоретико-методологической базой Системы. На смену пришли неолиберал-монетаристские теории, показавшие свою несостоятельность в период глобального кризиса и депрессии 2008–2013 гг. Затрагиваются вопросы необходимости смены экономической политики России, актуализировавшиеся в результате курса Запада, пытающегося удушить страну посредством санкций.

Либеральные теории — выдающееся достижение цивилизации

Известна мысль великого экономиста Дж. М. Кейнса о том, что в основе представлений об экономической политике любого государственного деятеля находится определенное экономическое воззрение, независимо от того, знает он это или нет. Однако рядовой гражданин любой страны имеет иллюзорное представление свободы деятельности правительств от

каких-либо теоретических течений. Он оценивает не «философию политики», а прежде всего уровень жизни народа, его основные показатели — экономический рост, заработную плату, пенсии и пособия, уровень безработицы, уверенность в завтрашнем дне и т. д. Много ли наших граждан задумывается над вопросом, какова теория (философия), лежащая в основе отечественной экономической (макроэкономической) политики России со времени прихода

к власти Владимира Путина с августа 1999 г. и по сей день? А суть вопроса в том, что как бы ни проклинали «лихие 90-е», политика России последовательно продолжает осуществлять тот самый курс, который был предложен ей «вашингтонским консенсусом» в 1991 г. (против чего выступил тогдашний парламент, за что и был насильственно низложен), с соответствующими последствиями. Другой вопрос: странно слышать (и читать) бесчисленные выступления и массовые публикации отечественных политиков и экономистов, не говоря уже о журналистах и прочих пишущих, объявляющих «либерализм» основой всех мыслимых и немыслимых бед России. В то же время, несмотря на некоторые изменения, хотя и не особенно значительные, экономическая политика правительства, как я выше отмечал, покоится на четких неолиберально-монетарных концепциях, подвергнутых жесточайшей критике в ходе и после мирового кризиса 2008–2010 гг. и позже [1]. Эти концепции, однако, можно назвать либеральными весьма условно, они откровенно противоречат классическому экономическому либерализму, который был разработан в трудах великого Адама Смита и его последователей — классиков теории. Либеральные идеи эпохи Просвещения оказали мощное воздействие на становление и развитие экономических доктрин, которые стали основными составными элементами классической экономической теории (и политической экономии) Адама Смита; они же оказали влияние на социальные революции в Западной Европе и Америке (в последней социальная (буржуазная) революция произошла в форме антиколониальной войны с королевской Великобританией). Понятие «экономический либерализм» — это обобщающий термин, объединяющий целый ряд доклассических, классических, кейнсианских и социалистических концепций и доктрин, начиная с конца XVII в. до наших времен. Он не только обосновывал свободное предпринимательство и торговлю (*Laissez-faire, free trade*) на базе частной собственности и свободной конкуренции, но и поставил в центр проблемы человека труда, а труд рассматривал как главный источник богатства. Адам Смит сформулировал также свой знаменитый «природный (естественный) закон справедливости». Развивая разные аспекты этого закона, Смит впледел его в ткань ключевых положений теории, названной «классической». Последователи Смита (Дж. С. Милль, Т.Р. Мальтус, особенно Давид Рикардо), а также Карл Маркс (основатель другой системы), предельно развили положения

Смита о трудовой теории стоимости (Маркс писал о капитализме 100 лет спустя после Адама Смита, когда он приобретал качественно другие аспекты). Но всех классиков объединяет одна главная особенность — забота о человеке труда. Они обосновывали необходимость справедливого распределения вновь созданной стоимости, согласно роли каждого из трех факторов производства (труд, капитал, земля). Они отвергали всесилие абсолютистского государства в позднем Средневековье и в ранний период капитализма, подавляющего нарождающийся капитализм и буржуазию — передовой класс, носитель прогресса, идеологией которого был либерализм, сыгравший огромную положительную роль в развитии современной цивилизации. По странному стечению обстоятельств, основной труд Смита «Исследования и природа и причинных богатства народов» появился в свет в 1776 г. — в том же, в котором была принята «Декларация независимости США». Экономический либерализм, как и политический либерализм, явился продуктом длительной эволюции эпохи Просвещения и его следствия — модернизма. Поэтому под его знамена в XVIII в. встали не только узкие образованные страты общества и новая торгово-промышленная буржуазия, но и большинство тогдашнего городского общества — трудовые слои (нарождающиеся пролетарии, ремесленные и цеховые сообщества, а также зажиточное крестьянство, поставляющее свою продукцию в города, испытывающее сильное давление от феодалов). Центральной идеей либерализма (и экономического, и политического) были не только идея равенства всех пред законом, но и провозглашение равных возможностей для всех, создание условий для их реализации, забота общества о слабых и незащищенных, детях, больных. По мере развития капитализма и утверждения повсюду либеральных ценностей сами представления о смитовском капитализме и первоначальные классические его трактовки подвергались сильнейшей эрозии. Корпорации — монополии и банки — становились все более могущественными, они уже не боялись государства, оказывали прямое влияние на формирование того или иного правительства через контролируемые ими политические партии и профсоюзы. Экономические учения все в больше мере теряли свою независимость, они сохранялись лишь на микроуровне, в областях, связанных с действием рыночных сил и корпоративной конкурентности. Отметим и то, что вся вторая половина XIX в. была самым серьезным испытанием для ка-

питализма, в Западной Европе одна за другой происходили социальные революции, шли войны, быстро распространялись марксистские учения. Этому способствовало чрезвычайно тяжелое положение рабочего класса, численность которого быстро возрастала в результате развития капитализма. Условия его существования тогда были необычайно трудными, был широко распространен детский труд. Предупреждения отца-основателя классической экономической теории Адама Смита относительно справедливого распределения прибавочного продукта между всеми владельцами факторов производства были преданы забвению — от его учения остался только один постулат: «никем и ничем неограниченная свобода частного предпринимательства». Возможно, под влиянием опасно наступающего марксизма (отвергающего принципиально частную собственность), первым смертельную угрозу почувствовал «железный канцлер» Пруссии Бисмарк (объединивший разрозненные немецкие княжества в единое государство). Он ввел серьезные ограничения в безудержной эксплуатации рабочих через трудовое законодательство, установил восьмичасовой рабочий день, выходные, лечение рабочих, всеобщее образование и иные социальные нормы. Это значительно смягчило общественно-экономическое и социальное положение в капиталистических странах, в которых также стали действовать профсоюзы. Как альтернатива марксистскому положению о вооруженном восстании рабочего класса появилось реформистское направление социальных протестов — следствие «смягчения» предыдущей предельно жесткой модели постсмитовского капитализма (на промежуточной стадии к его переходу на монополизм). Но американский капитализм во второй половине XIX в. приобрел наиболее «жесткие формы», власти жестоко расправлялись с недовольными трудящимися, которые огромными массами выходили на демонстрации протеста против бесчеловечных условий труда. Здесь, кстати, впервые 1 мая было объявлен днем трудового народа, став международным праздником трудящихся.

Конец смитовского классического капитализма

Как выше отмечалось, конец XIX в. характеризовался быстрым ростом корпораций и банков-монополистов, началась эра доминирования гигантских хозяйственных и финансовых институтов, опутывающих своими сетями все континенты. Четко выделились США, Великобритания, Германия и отчасти

Российская империя, чьи экономические интересы (точнее, их ведущих предпринимателей-монополистов) требовали передела мира. В настоящее время, в 2014 г., когда во многих странах, особенно в Европе, отмечается 100-летие начала Первой мировой войны, в выступлениях и публикациях уделяется первостепенное внимание субъективным моментам правителей основных европейских стран, в то время как истинными виновниками этой войны были их промышленные и финансовые монополии-гиганты, среди которых особой агрессивностью отличались германские. Война привела к ужасающим последствиям для стран — основных участников, распались четыре империи, появился СССР; бедствия народов были ужасающими, нищета и жизнь впроголодь большинства наций были уделом самых богатых стран, включая США, вплоть до конца 40-х — начала 50-х гг. XX в. (когда появилось государство благоденствия). Об этой стороне развития многих стран в научной литературе почему-то не особенно принято писать, видимо, находясь в плену иллюзий, что «на Западе люди всегда жили хорошо и счастливо». Хотя некоторые авторитетные ученые Запада, в том числе США, не стесняются затрагивать эту болезную тему [3]. Эта роковая для абсолютного большинства народов Европы (и не только) война оказалась благом для крупных банков и корпораций — они росли небывалыми ранее темпами и все меньше «делились» доходами с трудящимися. В результате в 20-е гг. XX в. необычайно усилилась классовая борьба в Европе и США, массовые забастовки, демонстрации и иные протестные акции стали обычным явлением. Они жестоко подавлялись с применением полицейских и армейских подразделений. Небывалый произвол крупных корпораций и банков стал особенным явлением, прежде всего, в США, в которых в эти годы стал бурно развиваться фондовый рынок, быстро возрастали биржевые операции на откровенно спекулятивной основе. При этом отсутствовал центральный финансовый регулятор — центральный банк. Две попытки его создания еще в XIX в. закончились неудачей — частные банки сочли это «мероприятие» нарушением Конституции и добились через Верховный суд ликвидации (и Первого и Второго центральных банков). Смитовский капитализм с его теорией относительно равного распределения материальных благ давно остался в истории, хотя теоретики, в немалой мере отражающие интересы крупных корпораций, бесконечно прославляли имя классика, а университетские профессора

непрерывно «открывали» в нем новые положения, идеализирующие современную экономическую ситуацию. Появлялось огромное число разного рода «параллельных теорий и концепций», прославляющих, однако, два положения из Смита: во-первых, полная свобода для частного предпринимательства; во-вторых, никакого государственного вмешательства в экономику. Все остальные не менее важные постулаты смитовской теории были отброшены как ненужный хлам.

Великая депрессия — конец классической экономической теории

Не случайно в 1929 г. наступил известный биржевой крах, началась Великая депрессия, перекинувшаяся на все страны мира, едва не опрокинувшая весь мировой капитализм. О причинах этого уникального по масштабам и глубине кризиса написаны горы научной и иной литературы. Были попытки дать анализ через сплетение разных случайных обстоятельств, некоторые аналитики усматривали причины в чрезмерной жадности биржевых дельцов, пустившихся в спекулятивные операции, другие — пытались уже в те времена усматривать истоки кризиса во «вмешательстве» федеральных властей в финансовую область (хотя такие попытки были чрезвычайно робкими). И наконец, еще одна, новая для того времени точка зрения, которая стала высказываться как в европейской, так и американской печати, ставила под сомнение саму тогдашнюю систему, хотя и в не очень ясно выраженной форме. Приход в Белый дом президента Ф.Д. Рузвельта в самый разгар кризиса (1933 г.), и его решительные меры положили основания для переосмысления традиционных ролей государства и предпринимательства. Появились реальные основания для возникновения альтернативной экономической теории — кейнсианства как методологической базы для новой экономической политики мирового капитализма. Стало ясно, что смитовская экономическая теория, особенно в ее совершенно вульгаризированной форме, из которой были выхолощены гуманистические стороны, более не срабатывает. «Свободное предпринимательство осталось в эпохе королевы Виктории» — очень метко сказал выдающийся американский экономист профессор Пол Самуэльсон. Суть проблемы была в немалой мере в том, что формирование сектора монополистической экономики изменило сами основы классического (смитовского) капитализма — появился финансовый капитал. Монополистический

сектор — финансовый капитал — живет своей жизнью и безучастен к конкуренции, а анти-трестовское (антимонопольное) законодательство и практика мало влияют на него. Он в определенном смысле стал приобретать черты, напоминающие социалистический государственный сектор экономики, хотя с точки зрения вклада в создание ВВП его доля не превышала накануне Великой депрессии 25 % (ныне — около 40 %). Но в силу огромной мощи индивидуальных корпораций и влияния на политику они оказывали (и оказывают) решающее влияние на воспроизводственный процесс и на политику государства. И поскольку они являлись основными биржевыми игроками, крах Нью-Йоркской биржи и запустил тот самый спусковой механизм для развертывания Великой депрессии.

«Новый курс» президента Рузвельта и государство благоденствия

Еще в 1933 г., на фоне продолжающегося мертвящего экономического кризиса, новый американский президент Ф.Д. Рузвельт вошел в Белый дом и начал стремительно вводить хорошо подготовленную реформу под названием «Новый курс». Коротко говоря, это было беспрецедентное государственное регулирование всех сторон хозяйственно-экономической, финансовой, аграрной областей, а также трудовых отношений. Крупные предприниматели и банкиры пробовали сопротивляться, но сопротивление было быстро и энергично подавлено Белым домом, к тому же они были морально сломлены обвинениями общества в том, что «жирные коты» являлись истинными виновниками кризиса. Многие из них обанкротились, другие лишились значительной части богатства. Налог на богатый класс был поднят до беспрецедентной величины — 90 %. Было сформировано и введено в действие принципиально новое законодательство, регулирующее практически все стороны хозяйственно-финансовой деятельности частных агентов производства и рынка. В 1936 г., спустя три года после начала рузвельтовских реформ, появилась знаменитая работа британского экономиста Дж. М. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег», немедленно ставшая знаменитой, как в свое время труд Адама Смита «Исследования о природе и причинах богатства народов» (1776 г.), спустя ровно 160 лет. За эти более чем полтора столетия капитализма стал качественно другим, в нем уже перестали действовать те законы, которые были открыты Смитом, и нужна была другая

модель политики, которая могла бы обеспечить его функционирование как капиталистической системы. И эту задачу выполнил великий экономист XX века Кейнс. Несомненно, он изучил опыт не только военного регулирования правительствами в период Первой мировой войны, опыт СССР в деле планирования, но и практику «Нового курса» президента Рузвельта. И пришел к бескомпромиссному выводу: современный капитализм может развиваться как мировая система исключительно благодаря энергичному регулированию основных вопросов экономической и социальной жизни. В то время как Адам Смит на восходящей фазе молодого капитализма пришел к выводу: капитализм может развиваться успешно, если государство (королевская власть) не будет вмешиваться в деятельность предпринимательского класса, ограничившись собственно функциями обороны, поддержания правопорядка и установления общих правил ведения хозяйственных дел свободными товаропроизводителями. Началась эпоха кейнсианской революции, которая наиболее успешно развивалась в первые полвека после Второй мировой войны. Вот в эти годы капитализм (учтем и фактор соревнования двух мировых социальных систем; в те годы социализм был необычайно привлекателен для сотен миллионов людей во всех странах мира) реально добился существенного повышения уровня жизни населения во всех развитых капиталистических странах (три десятка стран); сформировалось общество потребления, появилось «государство благоденствия» (по Дж. Гелбрэйту), расширился потенциал смешанной экономики, что усиливало механизм конкуренции.

Поражение кейнсианства, наступление неолиберал-монетаризма

Одна из основных причин поражения кейнсианства состоит в том, что что западноевропейские корпорации сильно укрепились в 50–70-х гг. и вступили на равных в конкурентную борьбу с американскими, прежде всего в зоне западноевропейского экономического пространства (на первом этапе). Они уже не только не нуждались в опеке со стороны государства (в соответствии с кейнсианской политикой), но уже стали тяготиться этим и требовали от своих правительств отказаться от множества регулирующих большой бизнес норм и правил — наподобие того, как это ранее было сделано в значительной мере в США. В свою очередь, успешное наступление европейских и японских корпораций на позиции американского

большого бизнеса его апологеты связывали с активными государственным вмешательством в сферу экономики и особенно — финансы, и настойчиво требовали ликвидировать многие институты, созданные еще рузвельтовским «Новым курсом», и соответствующее законодательство. Отсюда — лозунги о возвращении свободы предпринимательства были весьма популярными как в США, так и в Западной Европе.

Вторая причина, несомненно, состояла в том, что часто сменяющие друг друга правительства в Западной Европе устроили буквально чехарду вокруг национализаций и денационализаций; тем не менее государственный сектор во всех отраслях народного хозяйства ведущих стран континента (Великобритании, Франции, Италии) был явно нерационально обширным, что отражалось на падении эффективности и производительности, поскольку суживалась конкурентная база. Это обстоятельство понималось в научно-экспертном сообществе, которое было сильнейшим образом обеспокоено складывающейся неблагоприятной обстановкой (особенно в Англии со второй половины 70-х гг.).

Третья причина, на мой взгляд, состоит в том, что за полвека почти абсолютного доминирования кейнсианство слабо развивалось, не обогащалось крупными идеями и все более приобретало некоторые черты догматизма, хотя в 40–50-е гг. некоторые теоретики (Харрод, Домар, Самуэльсон и многие другие теоретики кейнсианства и примыкающие к ним ученые-экономисты) внесли определенный вклад в его развитие (неокейнсианцы). Слабо разрабатывались кейнсианством вопросы микроэкономики, в чем были всегда сильны классики и неоклассики, а макроэкономические разработки стали все более приобретать определенный догматический оттенок. В то же время большую популярность приобретали работы философа Поппера, экономистов Мизеса и Хайека (американо-австрийская школа), в которых предельно резко критиковалось кейнсианство; авторы проводили параллели между ним и «неэффективным социализмом». Их воззрения, хотя и восходили к Адаму Смиту, но были предельно жесткими в отношении социальной политики и роли трудящихся, распределения прибавочного продукта, роли трудящихся в управлении; они отрицательно относились к профсоюзам трудящихся. Весь незаурядный талант эти и другие аналитики данного направления направили на возвеличение частной собственности, устранение всех существующих препятствий на пути предпринима-

тельства, полного ухода государства из сферы экономики. Ф. Хайек даже обосновывал необходимость эмиссии денег через частные банки, «отобрав» эту функцию у центральных банков государств. Вот что пишет Самуэльсон в связи с этим направлением: «Можно сказать, что в процессе движения с правого фланга на левый новая экономика (кейнсианская, смешанная) была вторично атакована представителями своей профессии, экономистами-либертаристами, апостолами свободной конкуренции. Такие имена, как Фрэнк Найт, Генри Саймонс, Фридрих Хаейк и Милтон Фридман, ассоциируются с этой основной школой». Так сформировался современный неолиберализм как предельно реакционно-консервативное политико-экономическое течение. Эти идеи были использованы набиравшей силу Чикагской школой, возглавлявшейся профессором Милтоном Фридманом. Он основательно занимался исследованием роли денежного фактора (отсюда и термин «денежная», или «монетарная», теория), критиковал кейнсианцев за то, что они якобы игнорировали роль денег в изучении динамики общих экономических процессов и их воздействии на них. Но поскольку собственная научная база для монетарной теории практически отсутствовала, Фридман опирался, с одной стороны, на общую теорию неолиберализма, а с другой стороны, на известную издавна количественную теорию денег, с третьей стороны — на известную также теорию рациональных ожиданий (ТРО). Компиляция этих составляющих и стала базой монетарной теории, интегрировав положения неолибералов-консерваторов, она стала той самой неолиберал-монетарной теорией, которая вытеснила кейнсианство. Согласно ее положениям, все воздействие на экономику сводилось к манипулированию процентной ставкой ЦБ и денежной массой при минимальных налогах на частные предприятия (то есть акцент исключительно на бюджетное регулирование). Традиционное для кейнсианства воздействие на инвестиционную активность с целью сокращения безработицы и повышения деловой активности было объявлено ненужным, поскольку свободная деятельность частных агентов рынка является более совершенным механизмом для нахождения равновесия. Стало преобладать чисто бюджетное регулирование в ущерб кредитной деятельности и налоговому регулированию (с повышенными налогами на богатых и крупные корпорации). Таким образом, многократно сузились возможности влиять на цикл (кстати, цикл был объявлен профессором Робертом Лукасом в 2003 г.

неактуальной проблемой). В результате получилось нечто, напоминающее теорию (хотя она походила больше на чисто бухгалтерский подход). В результате, как отмечено выше, и появилось неолиберально-монетарное направление в современной мировой экономической мысли, названное Самуэльсоном совершенно справедливо либертаризмом [6, с. 401]. К классической теории это направление имело слабое отношение, но тем не менее, его стали называть неоклассическим. Это было, несомненно, шагом назад от достигнутого уровня мировой экономической мысли. Распространению этого направления в правительственных кругах, по моему мнению, способствовали упрощенный подход, легкая доступность инструментов политики, несложные формулы, используемые для разработки макроэкономической политики. К концу 70-х — началу 80-х гг. неолиберал-монетаризм полностью был введен в качестве идейно-теоретической (интеллектуальной) базы экономической политики большинства развитых стран, хотя и в разной мере в каждой из них. Повсюду начался демонтаж кейнсианских институтов и механизмов регулирования, ликвидировался государственный сектор экономики, прямые методы воздействия государства на экономику были объявлены чуть не исчадием ада, появились тысячи публикаций, в которых говорилось о неких «саморегулирующихся организациях» (понятие-пустышка) и т. д. Новое законодательство в США (например, принятый уже в январе 1980 г. при президенте Роналде Рейгане «Закон о дерегулировании финансового сектора») широко распахнул двери для взрывного роста деривативов, особенно хедж-фондов, сыгравших роковую роль в развертывании глобального кризиса в 2008 г. Через десятилетие эта теория была положена в основание разработанного группой профессоров ряда университетов США под руководством директора Института мировой экономики Петерсона профессора Джона Уильямсона «Вашингтонского консенсуса». Работа была заказана Министерством финансов США и МВФ [11]. Положения этого Консенсуса прочно вошли в стабилизационные программы международных финансовых учреждений и позже были приняты всеми государствами, получающими «помощь» от МВФ, как эталонные программы реформирования. Вот такая программа была полностью реализована в России в 90-е гг. и, похоже, реализуется и ныне. Для этого надо просто сравнить требования Консенсуса, положения фридмановского монетаризма и представления Мизеса — Хайека о капитализме как

вершине цивилизации с той реальной экономической политикой, которая проводится в России, и заявлениями членов правительства по этим вопросам.

Множественность теорий и концепций при ограниченности систем теорий. Политика и интересы

Экономической науке всегда были свойственны внутренняя конфликтность, разнообразие течений и стремление к доминированию отдельных теорий и концепций. Изобилие концепций, разных методов и подходов к анализу экономических процессов — это постоянное явление со времени возникновения самой этой науки. Они в особенности характерны в те периоды, когда обнаруживаются слабость и исчерпанность официальной доктрины, находящейся в основе экономической политики государства. В этом случае, как правило, на смену приходит другая теория — если она имеет достаточно проработанную теоретическую базу и инструментарий для практического использования. Но это происходит далеко не всегда, если альтернативная теория не отражает в полной мере интересы правящего класса. Именно это характерно для отжившей свое время неолиберал-монетарной теории, неадекватность которой с особой наглядностью проявилась в ходе недавнего глобального кризиса (2008–2009 гг.) и «великой рецессии» (2011–2013 гг.), но за нее отчаянно цепляются и политические и деловые круги ведущих стран мира. Что интересно, при огромном количестве разного рода теоретических концепций, доктрин и пр. всего лишь несколько таких, которые имели и имеют формы законченной системы и использовались ранее или используются ныне в практической политике разных государств:

1. Классическая экономическая теория Адама Смита.
2. Кейнсианство и неокейнсианство.
3. Неоклассическая теория в форме неолиберал-монетаризма.
4. Марксизм в советско-социалистической разновидности.
5. Государственный социал-капитализм как специфическая теория и практика КНР.

Государственный капитализм, первоначально примененный в СССР как «новая экономическая политика (НЭП)» (1921–1927 гг.), ныне углублен и обогащен в КНР.

Названные теории никогда не были изолированы друг от друга. Первая классическая теория вобрала в себя многие положения экономических концепций ранней эпохи (физиокра-

тов и меркантилистов), а более поздние охотно заимствовали положения и подходы других, но при условии, что они не противоречили их принципиальным постулатам. Так, особой всеядностью отличается неолиберал-монетаризм, готовый заимствовать из других теорий любые положения, если они не посягают на частную собственность, свободу предпринимательства и не требуют государственного экономического активизма. В этой связи возникает множество важных вопросов относительно того, в какой мере сохраняют свое значение раскрытые когда-то Адамом Смитом законы молодого растущего и прогрессивного капитализма, выступавшего против феодально-монархистских государств с их привилегиями для аристократии? Или они вообще не были «законами»? Такой вопрос поставил еще Дж. М. Кейнс. Либо они изменились, приобрели другие трансформационные формы и проявления, потеряли свое значение, но зато появились другие? Если появились, то какие, и что мы, профессора, должны сообщать об этом нашим студентам? Является ли частная собственность на средства производства действительно «священной и неприкосновенной»? Этот вопрос волновал еще античных писателей и философов (Платон выступал против частной собственности, а Аристотель — за); в наши дни этот вопрос стал актуальным в связи со все более обнаруживающейся слабостью и неэффективностью самых крупных корпораций и банков в мире. Например, к чему ведет всеобщий закон социализации производительных сил (факторов производства)? Изменили ли базовые свойства капиталистической системы НТП, и в частности волнами накатывающиеся информационно-технологические революции вместе с процессами интернационализации и глобализации? Если изменили, то в каких формах они проявляются? Ведь явление — всегда проявляется, хотя не всегда непосредственно, то есть не через явное и очевидное. Эти вопросы требуют своей разработки. Экономическая система капитализма со времени своего становления и развития на новейших технологических основаниях, что неизбежно приводило к укрупнению агентов рынка и, в конечном счете, к монополизации и появлению гигантских корпораций, непрерывно утрачивала свой естественный потенциал саморегулирования через сокращение конкурентных оснований. В сферах деятельности крупных корпораций-монополистов и банков, по существу, исчезла конкурентная среда, она остается лишь в сферах деятельности мелкого и среднего предприни-

мательства — именно законы такой (немонополизированной) экономики и раскрыли Адам Смит и последующие классики. Самый крупный сектор банковско-корпоративной экономики национальных государств выведен за пределы конкурентных отношений, как и весь сегмент крупного международного предпринимательства. Это уже политически закреплено в решениях международных организаций — Совете финансовой стабильности (СФС) и Базельском банке международных расчетов (БМР), объявивших, что системообразующие организации (банки и корпорации) слишком крупные и общественно значимые для того, чтобы позволить им обанкротиться (это так называемые системообразующие и глобальные системообразующие организации — *Siffl* и *G-Siffl*). В результате в экономиках ведущих стран и в целом мировой экономике действуют два сектора, и эта дихотомия непреодолима, она усугубляет внутренние противоречия капитализма как глобальной системы. Высокая прибыльность монополий-гигантов обусловлена не их эффективностью (она как раз слабая), а эффектом масштаба, сверхэксплуатацией труда и перераспределением в их пользу части прибыли, приходящейся на сектор среднего и мелкого предпринимательства, над которым с очевидностью доминирует монополизированный сектор, хотя он создает даже в самых развитых и богатых странах всего порядка 30–35 % ВВП. Уже в силу указанного выше незыблемость видения современного экономического порядка, отраженного в классических и неоклассических работах, — это догматизм, который достаточно приближен к тому видению социализма, который существовал в СССР. Во многом нежелание политического класса видеть тот реальный догматизм привело к гибели могущественного государства, а не некие внутренне присущие ему противоречия, как утверждают некоторые аналитики. Такой же бесславный конец ожидает и современный капитализм, если его лидеры и научно-экономическая мысль будут «по-советски» относиться к догматам теории и политики, надеясь на некие внутренние импульсы развития, которые угадали, когда на авансцену выступил могущественный финансовый капитал во всем своем безобразном величии, сокрушив движитель смитовской экономики — конкуренцию. Еще одно подтверждение этого — санкционная политика ведущих экономических держав, прямо и непосредственно направленная на деформацию процессов международного разделения труда и нарушающая взаимодействие фак-

торов производства множества стран. Против таких действий королевской власти и выступал некогда великий Адам Смит, этот глашатай буржуазии. Современные вроде бы ярые его поклонники — либертариисты, наоборот, выступают против естественных хозяйственных связей, диктуемых интересами предпринимателей. Это подтверждает печальный вывод: если политика начинает доминировать над экономикой, это всегда кончается плохо.

Экономическая теория как одна из главных отраслей общественной науки никогда со времени своего зарождения не была свободна от политики государства, борьбы общественных страт и конфликтов в правящих элитах. Как я ранее писал, вся вторая половина XIX в. прошла под мощным влиянием марксизма и отчасти при его триумфе в идейном противопоставлении с другими течениями экономической мысли. Жесткая конкуренция и борьба определили высокий взлет теоретической мысли. Появление множества школ экономической теории с яркими интеллектуальными предводителями оказало огромное воздействие не просто на историю экономической мысли, но, прежде всего, на формирование разных сторон самой капиталистической системы и экономической политики государства. Но особыми политико-идеологическими пристрастиями течения и школы экономической мысли стали отличаться после раскола мира на две противоположные мировые системы после 1917 г. За 75 лет существования мирового социализма под эгидой СССР, простиравшегося на огромных территориях всех континентов, в политических центрах этой системы рождались бесчисленные идеи, обосновывающие ее вечность и незыблемость, его превосходство над капиталистической системой. Одновременно в центрах мирового капитализма рождалось еще большее число теорий, доказывающих (с не меньшей убедительностью) превосходство этой системы и ее блистательное будущее. При этом неумолимо происходила (хотя и медленно и противоречиво) конвергенция этих двух систем, которая, однако, отрицалась представителями официальной науки и с одной, и с другой стороны. Не случайно работа одного из видных представителей теоретиков конвергенции профессора Уолта Росту «Стадии экономического роста» (1961) не получила признания ни на Западе, ни в СССР. Всплеск интереса к этой книге был на Западе недолгим, а в научных кругах СССР она подвергалась нещадной критике почти два десятилетия, хотя не была опубликована и мало

кто ее читал. Борьба и противостояние в области экономической теории имели принципиальный характер, развивались бесчисленные философские, политико-экономические, социологические, этические, идейно-концептуальные построения. Это была, несомненно, позитивная среда, которая должна была стимулировать развитие обеих глобальных систем, в том числе в направлении их сближения — конвергенция действовала, независимо от воли и сознания политиков. Но произошла гибель одной из них, неизбежно ослабившая и другую (в силу исчезновения фактора глобальной конкуренции). Как ни странно, падение мирового социализма, совпавшее по времени с началом кризиса международного монетаризма и неолберализма, привело к его новому укреплению. Экономическую политику, воплотившуюся в известных постулатах «Вашингтонского консенсуса», охотно приняло российское руководство (в лице президента и правительства, вопреки сопротивлению парламента). И несмотря на то, что эта политика едва не привела к падению уже Российской Федерации в 90-х гг., эти постулаты все еще являются базой деятельности правительственной политики.

Всемирный экономический кризис, экспансия государства в экономику, кризис неолберал-монетаризма

Исследованию причин мирового экономического кризиса (2008–2010 гг.) посвящено много научной и иной литературы и в нашей стране, и в других странах, включая международные отчеты и доклады организаций ООН, МВФ, Всемирного банка, Банка международных расчетов и др. Немало этой проблеме уделено внимания и в моих работах (монографиях, учебниках, научных статьях в журналах, интернете, лекциях в европейских университетах, интервью в СМИ за период 2008–2014 гг.). Поэтому упомянем лишь некоторые плачевные последствия этого сокрушительного кризиса, по масштабам и глубине вполне сравнимого с классической Великой депрессией 1929–1933 гг. По данным ООН, в этот период мировая безработица возросла на 50 млн чел., выявилась общая тенденция ухудшения уровня жизни населения даже в самых богатых странах мира (она действует и ныне). Обанкротилось или оказалось на грани банкротства огромное число фирм и банков во всех странах, в том числе очень крупные (Дженерал моторс, Крайслер, Форд, Lehman Brothers, крупнейшие ипотечные агентства Fannie Mae и Freddy Mac — суммарные активы этих двух гигантов со-

ставляли 5 трлн долл.); обанкротилась крупнейшая инвестиционно-страховая компания American International Group (AIG) с активами более 1,4 трлн долл., действующая более чем в 60 странах мира. На грани банкротства оказались два известных банковских кита Америки — Morgan Stanley и Goldman Sachs и множество других в США, Европе, Японии и других странах мира. Только в США в 2008–2009 гг. обанкротилось около 200 крупных финансовых организаций, в том числе все инвестиционные банки. Растерянность и неуверенность охватили политические и деловые круги. Многие аналитики (не говоря уже о рядовых гражданах) со злорадством наблюдали за одной странной картиной — смиренно выстроившихся в очередь за «денежной помощью» из казны США могущественных менеджеров крупнейших корпораций и банков, которые еще вчера с презрением высказывались о «недопустимости вмешательства государства в дела бизнеса». «Всесильный рынок больше не срабатывает!», «Что-то надо делать с капитализмом!» — эти панические высказывания президента Франции Николя Саркози хорошо иллюстрируют создавшуюся ситуацию. «Хедж-фонды (США) надо ликвидировать!» — заявила тогда же канцлер Германии Ангела Меркель; «Оффшорный бизнес европейских стран также виновен в обвале.» — в свою очередь, сказал президент США Дж. Буш. Таковыми были некоторые высказывания ведущих лидеров, которые при этом взаимно обвиняли друг друга в происшедшем, в том числе на Лондонском саммите G-20, посвященном выработке мер по предотвращению развития кризиса.

Трудный выбор для президента Буша. Образ Дж. Буша-младшего обычно ассоциируется с неким лихим ковбоем из Техаса, не очень интеллектуально подготовленным политиком, склонным к авантюрным действиям (война в Ираке) и т. д. Но в вопросах, связанных с реакцией на начавшийся кризис в Америке (еще со второй половины 2007 г.), этот президент действовал чрезвычайно энергично и более чем адекватно. Твердо убежденный в том, что только абсолютная свобода предпринимательства — это и есть благо, консерватор-либертариист, противник государственного вмешательства, казалось, он никогда не пойдет на усиление государственного экономического вмешательства, полагали, что это — своего рода табу для президента Буша. И, соответственно, такие убеждения могут сильно ограничить его антикризисные меры. Но Буш и его правительство в самом начале кризиса буквально отбросили

в сторону либерал-монетарные «ценности» и избрали путь интенсивного государственного вмешательства, положив начало возвращению кейнсианства в политику. Помимо огромной финансовой помощи большому бизнесу оказывалась помощь мелкому предпринимательству, и что самое важное — впервые с периода рузвельтовского «Нового курса» правительство избрало путь национализации терпящих бедствие банков и промышленных корпораций, установив над ними государственный финансовый контроль. Это, кстати, вызвало язвительные статьи в ряде органов печати в России, которые стали говорить о «новом социализме в цитадели капитализма — Америке». Аналогичные действия были предприняты в Европе и других странах мира. Всего на спасение мировой капиталистической системы, по разным источникам, было направлено порядка 20 трлн долл. в 2008–2010 гг. Другой определяющий фактор, который позволил к концу 2009 г. — началу 2010 г. прервать кризис и выйти на динамику экономического роста мировой экономики, — это согласие стран мира на недопущение принятия протекционистских мер. Напомню, что особенный размах и глубину Великая депрессия 1929–1933 гг. приобрела в силу того, что почти все страны стали на путь жесткого торгового протекционизма, что полностью расстроило всю международную торговлю. Третий позитивный фактор — это начало решительной перестройки всей системы международных финансов в 2008–2010 гг. (правда, в последующие годы эта перестройка захлебнулась). На этом вопросе стоит остановиться несколько подробно.

Институциональные изменения в мировой финансовой системе в связи с глобальным кризисом

По мере осознания масштабов и глубины развертывающегося в 2008 г. финансово-экономического кризиса так называемые «системообразующие государства»¹ приступили к ре-

¹ К системообразующим государствам относят те, на которые приходится наибольшая доля мирового ВВП, внешней торговли и населения. По уровню развития факторов производства в состав включают страны с развитыми (*developed markets*) и формирующимися рыночными экономиками (*emerging markets*). В настоящее время термин «emerging markets» используется для характеристики стран с динамично растущей экономикой. В состав «Группы 20» входят: Австралия, Аргентина, Бразилия, Великобритания, Германия, Индия, Индонезия, Италия, Канада, Китай, Мексика, Россия, Саудовская Аравия, США, Турция, Франция, ЮАР, Южная Корея, Япония; а также Евросоюз, МВФ и Всемирный Банк — в качестве коллективных чле-

альному сотрудничеству в разработке общих скоординированных мер в области глобального финансового контроля. Сточки зрения политической поддержки этой необходимости видную роль играли G-8 и G-20, обеспечившие разработку и внедрение в глобальную систему финансового контроля целого ряда новых механизмов. При этом происходил процесс, когда принятие решений и основных рекомендаций в области финансово-экономического развития как бы перетекало из G-8 в G-20; это явилось своеобразным свидетельством того, что ведущие экономические державы уже не могут оказывать существенное влияние без других стран с формирующимися рынками (СФР). «Группа 20» была создана в 1999 г. с целью расширения обсуждений ключевых вопросов экономической и финансовой политики между развитыми странами и странами с формирующимся рынком (СФР). В условиях глобального кризиса оказалось, что эта «Группа» в наибольшей мере подходит для выработки общих мер по преодолению кризиса и международной координации деятельности отдельных государств в этой области. 15 ноября 2008 г. в Вашингтоне состоялся первый саммит «Группы-20». По его итогам были приняты Декларация и «Вашингтонский план действий». План предусматривал разработку и реализацию целого ряда новых инициатив в сфере международных финансов. В соответствии с Рекомендациями «Группы-20» и согласовании с национальными правительствами были приняты следующие решения:

1. Создана Исследовательская группа (ИГ) в рамках «Группы 20», которой было поручено изучить причины кризиса и сбоев в функционировании глобального кредитного рынка; разработать меры по предотвращению подобных кризисов и предложить их к рассмотрению на саммите «Группы 20».

2. Форум финансовой стабильности (ФФС), действовавший при «Группе 8», был расширен и преобразован в орган «Группы 20» — «Совет финансовой стабильности» (СФС). Перед ним поставлены задачи разработки совместно с МВФ предложений по воздействию на мировые финансовые рынки.

3. Первоначально Рекомендации были оформлены как стратегические отчеты ФФС, а после его преобразования — как Доклады Совета финансовой стабильности (СФС) для «Группы 20». Они получили свое отражение, в частности, в договоренностях министров ино-

нов. На долю стран «двадцатки» приходится около 90 % мирового ВВП и 80 % международной торговли, а также две трети населения мира.

странных дел и руководителей центральных банков по обеспечению большей прозрачности финансовых рисков, повышению их ответственности, в том числе в финансовой отчетности на базе единых стандартов практики оценки финансовых инструментов.

4. МВФ и расширенному составу СФС было предписано разработать регулирующие меры и рекомендации по преодолению цикличности развития мировой экономики. (Это был отказ от монетаристского положения, отрицающего само понятие «цикл»). Такие рекомендации ими были представлены, в том числе те, которые предусматривали увеличение доли представительства развивающихся стран в директоратах МВФ и ВБ.

5. Регулирующим агентам предписано осуществлять более эффективный контроль над деятельностью международных рейтинговых агентств.

6. Регулирующим органам было предложено совершенствовать рекомендации для повышения эффективности управления рисками в банках, пересмотреть внутреннее управление рисками и «Принципы разумного управления рисками потери ликвидности и надзора» (Базель-3).

7. Национальным и региональным органам регулирования также было предложено усилить взаимодействие в работе над совершенствованием механизмов в регулировании между юрисдикциями на международном уровне.

8. Надзорные органы должны были осуществлять тесное сотрудничество в создании надзорных коллегий для всех крупных международных финансовых учреждений. Такие надзорные коллегии создавались в 2009–2010 гг. в большинстве системообразующих финансовых банковских институтов.

9. Регулирующие органы были обязаны предпринять все необходимые меры в целях укрепления международных механизмов кризисного управления. На международном уровне одна из предусмотренных мер — это расширение СФС для обеспечения более широкого участия в нем стран с формирующимися рынками. Соответственно, ФФС был расширен и преобразован в СФС, и в него включены новые страны «Группы 20»: Аргентина, Бразилия, Китай, Индия, Индонезия, Южная Корея, Мексика, Россия, Испания, Саудовская Аравия, ЮАР и Турция, а также Европейская Комиссия (ЕК).

10. МВФ и СФС разработали механизм раннего предупреждения, его первый «запуск»

был осуществлен на весенней сессии МВФ/ВБ в 2009 г.; МВФ обязывался в тесном сотрудничестве и координации с СФС играть главную роль в извлечении уроков из глобального кризиса¹.

11. Были также созданы четыре рабочие группы в целях реализации конкретных мер, содержащихся в «Вашингтонском плане действий»: 1. Рабочая группа (РГ-1) «Повышение качества регулирования и транспарентности на финансовых рынках»; 2. Рабочая группа (РГ-2) «Расширение международного сотрудничества и обеспечение целостности финансовых рынков»; 3. Рабочая группа (РГ-3) «Реформирование МВФ»; 4. Рабочая группа (РГ-4) «Всемирный банк и другие многосторонние банки развития» (МБР).

Все эти разработки и рекомендации были представлены для рассмотрения главами государств и правительств в ходе саммита «Группы 20» в Лондоне 2 апреля 2009 г., где они были в целом утверждены. В ходе Лондонского саммита «двадцатки» было принято Заявление лидеров стран, а также три дополнительных документа: Декларация об укреплении мировой финансовой системы, Декларация о предоставлении ресурсов через международные финансовые институты и Отчет о результатах реализации «Вашингтонского плана действий». В ходе этого саммита произошло окончательное преобразование Форума финансовой стабильности (ФФС) в Совет финансовой стабильности (СФС). Были существенно расширены его функции, в частности, в его задачи отныне стали входить определение слабых мест мировой финансовой системы, обеспечение координации и обмена информацией между органами власти, мониторинг деятельности институтов, ответственных за выработку стандартов, взаимодействие с надзорными коллегиями. Совету также отведена важная роль в реализации процедур раннего предупреждения в целях выявления макроэкономических и финансовых рисков. В Декларации об укреплении финансовой системы и других документах «Группы 20» были приняты обязательства по усилению контроля за хедж-фондами и регулированию производных финансовых инструментов-деривативов. Базельскому комитету по банковскому надзору (БКНБ) Банка международных

¹ Но для этого следовало полностью изменить весь состав аналитических подразделений МВФ, поскольку они в предыдущие десятилетия находились под мощным влиянием экономического либертарианства, абсолютно чуждого тем новым предписаниям, которые были выработаны в рамках «Группы 20» и других международных организаций, включая ООН.

расчетов (БМР) предписано пересмотреть минимальные размеры капитала в системообразующих банках и разработать соответствующие рекомендации в целях усиления контроля над соблюдением установленных критериев (все эти преобразования получили название «Базель-3»).

В результате сложившаяся на протяжении трех десятилетий система международных финансов была основательно реформирована, в ней появилось множество новых институтов регулирования и надзора, были изменены статуты традиционных банков и других финансовых институтов. Одновременно во многих странах, в том числе в США, было принято новое законодательство (например, это «закон Додда — Франка» в США), ограничивающее спекулятивные операции и устанавливающее более жесткий государственный контроль. Был предпринят также ряд акций в направлении раскрытия банковских «тайн» в целой группе стран (Швейцария, Кипр, Лихтенштейн и др.), хотя они мало коснулись Карибских и Азиатских стран, куда, очевидно, переместился центр концентрации «серых» денег в колоссальных объемах. Широковещательные заявления «о необходимости глубоких реформ бреттон-вудских институтов» завершились небольшим расширением числа директоров МВФ и Всемирного банка за счет представителей крупных формирующихся и развивающихся стран. Никакого пересмотра политики этих организаций не произошло, хотя большинство аналитиков признавали ущербность их деятельности в предшествовавшие десятилетия.

Феномен «великой рецессии» 2011–2013 гг.

Возвращение либертаризма. С конца 2009 г. — начала 2010 г. ситуация в мировой экономике, и прежде всего, в зоне развитых стран, стала меняться в позитивном направлении. Этому способствовали не только обширные антикризисные меры, о которых шла речь выше, но и сохранявшаяся в течение всего кризиса благоприятная ситуация в крупных формирующихся странах (Китай, Индия, Бразилия, страны АСЕАН, некоторые африканские и арабские страны). Они в целом поддерживали группу развитых стран, в том числе через активную торговлю и инвестиции, а также покупали ценные бумаги и облигации. В такой обстановке США и лидеры ЕС решили начать свертывание многих стимулирующих мер, введенных в 2008–2009 гг. Они были названы задним числом «временными мерами» (необходимость сокращения государственных расхо-

дов, отмена облегченного доступа к кредитным ресурсам, льгот для мелких предприятий, регулирование движения капиталов, налоги, поддержка занятости — это многие меры из арсенала кейнсианской политики). Особенную агрессивность в такой реституции монетаризма проявлял МВФ, настаивающий на введении «режима экономии» (или курсе «затягивания поясов») в странах ЕС; этот курс активно поддерживал Берлин, полагающий, что Германия тратит на «стабилизацию Европы чрезмерно много своих денег», и пора «другим» экономить государственные расходы. В результате довольно динамичный процесс восстановления, характерный для 2010 г., уже к его концу и особенно в 2011 г. был прерван. Был фактически прерван процесс притока капитала в экономику от банковской системы. А ведь специалисты ООН (доклады ЮНКТАД за конец 2010 г. и июньский за 2011 г.) предупреждали о нежелательности устранения регулирующих мер, и как минимум — их преждевременности, поскольку начавшийся рост происходит неравномерно и неустойчиво, банки и компании еще не набрали силу и уверенность и сдержанно относятся к новым инвестициям. К тому же в целой группе средиземноморских стран еврозоны оживления деловой активности практически не происходило. Тем не менее, на саммите ЕС 21 июля 2011 г. был одобрен план поэтапного снятия «временных мер регулирования» и ведения режима «жесткой экономии» государственных расходов.

Американский фактор. В этот период в действие вступил уже политический фактор — усиление противостояния Белого дома и Конгресса (летом 2011 г.). Это неизбежно ускорило провоцирующий момент в разворачивании долгового кризиса в Европе. Сами основания долгового кризиса уже были заложены политическими дискуссиями в США относительно величин долгового потолка, определяемого резолюцией Конгресса США. Будучи перенесенным в Европу, этот скандал трансформировался в долговой кризис средиземноморских стран еврозоны, затем — в финансовый кризис, и вскоре — в «великую рецессию» (так назвали ее аналитики). Началом этой рецессии, на мой взгляд, следует считать день, когда президент Обама обратился (в июле 2011 г.) в Конгресс с законопроектом «О повышении потолка государственного долга» (здесь последнее слово принадлежит Конгрессу). Республиканцы, контролирующие Палату представителей (нижняя палата), стали буквально шантажировать правительство Барака Обамы, добиваясь «замора-

живания» законов о всеобщем медицинском страховании и повышения налогов на богатых (чьи доходы превышали 1 млн долл.) В конце концов, компромисс был найден (на временной основе) ценой уступок со стороны Белого дома, но одновременно в огромной степени актуализировалась проблема государственной задолженности. Повсюду — в США, Европе, России, Латинской Америке, Азии, Африке — заговорили о близком падении роли доллара, возвышении евро, возможности появления юаня как мировой резервной валюты. На этом фоне котировка доллара падала, возвышался евро. Все внимание мировых СМИ и экономических аналитиков было направлено на обсуждение ситуации в США, борьбу президента и Конгресса, гигантский долговой потолок и задолженность США. И в одно мгновение внимание мировой общественности и СМИ было перенесено на европейские страны. Рейтинговое агентство Fitch, а затем и другие американские агентства стали один за другим снижать кредитные позиции европейских банков — Греции, Испании, Португалии, Италии и Франции, а затем и позиции кредитоспособности самих государств.

Атака на Грецию. Финансовые рынки первыми нанесли нокаутирующий удар по Греции, поставив ее на грань банкротства. Отчаянные мольбы правительства Греции о финансовой помощи (первоначально в размере 30 млн евро) наткнулись на неприступную бюрократическую крепость, старательно выстроенную в рамках ЕС и еврозоны — бесконечные заседания различных инстанций затянулись на многие месяцы. А в это время искусственный долговой кризис, вызванный глобальными политическими маневрами, быстро превращался в полноценный финансово-экономический кризис в Европе, в которой Греция оказалась первой жертвой этих феноменальных событий и политических интриг. И уже ни 30 млн, ни сотни миллионов евро не смогли уберечь ее от этого кризиса. Постепенно целая группа стран «южного пояса» еврозоны — средиземноморские страны, в том числе Испания, Португалия и Италия (позже — Кипр), — оказались в сложнейшей финансовой ситуации, что обусловило падение их правительств и приход других партий и их лидеров к власти. Но могли ли они изменить ситуации в своих странах? Нет, конечно, поскольку были мертвой хваткой окольцованы убийственной политикой МВФ, Брюсселя и Берлина. По сути, все страны Еврозоны, за исключением ФРГ, оказались в зоне сильнейшего спада деловой актив-

ности — вот тогда и началась «великая европейская рецессия». Она быстро перекинулась на США (хотя именно США и вызвали ее первоначально) и приостановила рост американской экономики, именно после начала указанных дискуссий летом 2011 г. Конечно, такая огромная встряска двух ведущих экономических центров мира — Европейского Союза и США — оказала мощное влияние на всю мировую экономику, ее рост резко затормозился. Этому способствовало также замедление роста экономики Китая, Индии, Бразилии и целой группы других быстро растущих стран, которые в условиях предыдущего кризиса играли роль своего рода мотора, препятствуя более глубокому спаду экономики развитых стран. На этот раз они эту роль объективно выполнить не могли.

Фундаментальные причины «великой рецессии» — рукотворный кризис

Сделаем некоторое обобщение факторов формирования «великой рецессии» 2011–2013 гг.

Во-первых, на мой взгляд, существенную роль здесь сыграл собственно политический фактор, упомянутый выше — откровенное стремление США перевести эпицентр внимания с ослабления доллара и взаимоотношений между высшими органами власти (президентом и Конгрессом) на другой, конкурирующий центр — Европейский Союз (одновременно — в целях его серьезного ослабления). И для этого первоначально была избрана Греция как слабейшее звено в ЕС (и еврозоне). Этот замысел удался полностью. Повсеместные «разговоры» относительно «слабости доллара» и необходимости его замены «другой резервной валютой» (евро, йена, юань, некая коллективная валюта и т. д.) прекратились; доллар стал быстро укрепляться, а евро падал. Но эта причина не смогла бы сработать результативно, если бы не иные фундаментальные причины.

Во-вторых, глубоко ошибочная, на мой взгляд, политика как самих США (министерства финансов, ФРС), так и МВФ, ОЭСР, ЕЦБ, которые уже в 2010 г. стали на путь ускоренного свертывания противокризисных мер, принятых в 2008–2009 гг. Под их давлением ЕС даже разработал график отмены указанных «временных мер» регулирования (которые ранее, когда их принимали, вовсе не назывались «временными»). Но дело в том, что в 2010 г. экономика только выходила из тяжелейшей ситуации, оживление, переросшее в подъем, только начиналось, и показатели этого года были, хотя и обнадеживающими, но неустойчивыми. МВФ

и Брюсселю померещилось, что кризис позади, и можно вернуться к привычному созерцательному безделью предыдущих десятилетий. На самом деле ответственная политика требовала сохранить все те меры, которые обеспечили позитивный результат 2010 г. Поспешный демонтаж государственных блокирующих кризис мер остановил начавшийся рост, и итоги 2011 г., а затем и 2012–2013 гг., оказались совсем не такими, какими они должны были быть в условиях посткризисной динамики.

В-третьих, Европейский Союз окончательно утерял инициативу в разработке собственной концептуальной базы экономической политики, подчинил ее указаниям МВФ, который, в свою очередь, традиционно практикует рецепты, не адекватные требованиям мировой экономики, а потому наносящие огромный ущерб национальным экономикам. Это обнаружилось не сегодня и не вчера, а со времени появления на свет «Вашингтонского консенсуса», сыгравшего буквально роковую роль, прежде всего, для самих США. Этот Консенсус обусловил длительный период низких темпов роста США, ЕС и Японии (а также России), в то время как Китай, Индия, Бразилия, Южная Корея и ряд других стран мощно стали вытеснять их с доминирующих позиций в мировой экономике. Эти страны (особенно Китай, Индия, Бразилия и Южная Корея), отвергшие эти положения Консенсуса, развивались успешно, устойчиво и динамично.

В-четвертых, в объединенной Европе в 2011–2013 гг., даже в большей мере, чем в период кризиса 2008–2009 гг., проявился незавершенный, «рыхлый» характер объединенных институтов европейских стран. Эта незавершенность в институциональном строении ЕС автором отмечалась в целом ряде книг на всем протяжении предыдущего десятилетия, еще задолго до начала кризиса (2008 г.). Но в какой мере правомерно ставить вопрос об этом в настоящее время, с учетом негативного опыта макроэкономической политики Брюсселя в 2010–2013 гг.? Поскольку ошибочные решения Брюсселя вынужденно принимаются ослабевшими странами (как это происходило со средиземноморскими странами — членами еврозоны в последние годы), укрепление позиций Брюсселя, скорее, может нанести им ущерб.

В-пятых, произошло формирование такого уникального явления, как новый центр реальной силы, без согласия которого ни одно важное решение в области финансовой политики Союза не может быть принято: треугольник

Берлин — МВФ — Брюссель при явном доминировании МВФ.

В-шестых, предельно ясно выявилась пагубная роль политики бюджетной экономии и сокращения государственных расходов, введенная в действие с конца 2010 и 2011 гг. Она и искусственно породила великую рецессию, и обескровила потенциал роста европейских стран. Жесткое сокращение бюджетных затрат на социальные цели, включая образование и здравоохранение, замораживание заработной платы и пенсий, различных социальных выплат — все это и многое другое резко сузило спрос, увеличило безработицу, снизило инвестиции — эти ключевые факторы, которые должны были играть в условиях спада приоритетную роль.

Провокационная роль формулы Рогоффа — Рейнхардта

Теоретической базой такой политики оси «МВФ — Берлин — Брюссель» послужили эконометрические изыскания Рогоффа — Рейнхарта, которые вывели ошибочную формулу взаимобусловленности величины долговой задолженности страны и экономического роста. Эти известные профессора Гарварда предложили «спасительную идею (формулу)» для «новой политики экономии» в ЕС, она сыграла роковую роль в европейской экономической политике, способствуя политизации проблемы государственной задолженности и превращению ее в устрашающий фактор, наподобие гигантской тени отца Гамлета. Формула Рогоффа — Рейнхарда якобы доказывала наличие прямой связи между величиной госдолга (в пределах 90 % от ВВП) и темпом экономического роста страны. Чиновники из ЕС ее использовали, как указывал Кругман, чтобы оправдать «политику экономии» (или «режим экономии», «затягивания поясов» и пр.) — «самую нелепую политику для страны, находящейся в состоянии финансового кризиса и рецессии»¹. Я всегда считал, что такая политика если и оправданна, то исключительно в условиях подъема, но никак не на стадии рецессии, когда требуются дополнительные стимулы в целях оживления деловой конъюнктуры.

Во-первых, нет порога в 90 %, даже несмотря на то, что на протяжении всех последних лет европейские политики непрерывно твердили, будто экономика погрузится в стагнацию, если долг превысит 90 % ВВП. «Появление такого порога в оригинальной статье стало результатом

¹ Имеется в виду Греция.

нехватки данных (это было непреднамеренно и, вероятно, неизбежно при использовании странного статистического инструментария», — написал в своей статье Пол Кругман (слово «странный», видимо, элегантно прикрытое другое — «мошенничество») [2]. Он проявил благородство в отношении идейных противников, оберегая их имена от обвинений в подтасовке, что делает ему честь как настоящему ученому. Правда, представителей неолиберал-монетаризма характеризует как раз обратный стиль — агрессивность, хлесткость в критике оппонентов и откровенная грубость. Во-вторых, есть умеренная инфляция между долгом и экономическим ростом. Не более того, даже если это интерпретировать как причинную связь, эта корреляция совершенно недостаточно сильна, чтобы оправдать долговую панику последних лет. Как написал в своем блоге экономист Брэд Делонг: «Насколько я могу судить, речь идет о том, что увеличение долга с 50 ВВП до 150 может привести к снижению темпов роста на 0,1 в год в следующие 5 лет». Даже если это так, это далеко не опасно и, соответственно, отсюда не следует никакой прямой связи и выводить базовые конструкции политики — это верх безответственности. В-третьих, есть вполне убедительные доказательства того, что связь на самом деле заключается в том, что низкие темпы роста, как правило, приводят к увеличению долга, а не наоборот, как гласит формула Рогоффа — Рейнхардта. «Мы допустили, чтобы на протяжении трех лет неоправданные страхи довели над экономическим дискурсом», — указывает знаменитый экономист. В ЕС, и прежде всего в зоне евро, в настоящее время все еще сохраняется нестабильная обстановка, поскольку целая группа стран одновременно переживает острый бюджетный кризис, едва справляясь с выполнением обязательств по обслуживанию государственного долга, непомерно возросшего в условиях мирового кризиса 2008–2010 гг. и в период рецессии 2011–2013 гг. Начавшееся с осени 2013 г. некоторое оживление деловой активности как следствие позитивных сдвигов в американской экономике и новой активности в Китае и Индии пока что слабое и неустойчивое. Тем не менее, в 2014 г., ближе к середине, «великая рецессия» осталась позади.

Несбалансированность структуры экономик стран еврозоны как фактор кризиса

Глубинными причинами кризиса в еврозоне являются серьезные внутрирегиональные различия в уровнях конкурентоспособности и свя-

занное с этим нарастание региональных дисбалансов (включая межстрановую торговлю в ЕС, которая рассматривается как региональная торговля). Члены валютного союза обязались удерживать общий низкий темп инфляции на уровне «ниже, но около 2 %» и тем самым загнали себя в ловушку, отдав приоритет не экономическому росту и борьбе с безработицей, а контролю за инфляцией и сокращению государственных расходов через попытки сбалансировать бюджет любой ценой. В масштабах Союза в целом оно обернулось нарастанием несбалансированности торговли, поскольку страны с низкой инфляцией выиграли в конкурентоспособности по сравнению со странами, где быстро раскручивается инфляционная спираль «зарплаты — цены». По сути, в выигрыше от региональной торговли всегда остается ФРГ с ее мощным передовым технологическим производством, причем чрезвычайно диверсифицированным. В Европейском Союзе, как указывали аналитики, такие перекосы в торговле могут сохраняться в течение длительного времени, если страны с положительным сальдо финансируют страны, имеющие дефицит, через механизм финансовых трансфертов. В валютном союзе европейских стран растущая несбалансированность торговли отразилась на финансовой сфере в виде частных долговых потоков, поскольку банки в странах с положительным сальдо, не имея возможности расширять операции на отечественных рынках, ссужали деньги заемщикам в странах с дефицитом [10]. Приток частных ссуд, от которых стал зависеть несбалансированный европейский рост, резко прекратился, когда у кредиторов появились сомнения в платежеспособности должников. Глобальный кризис лишь стал толчком, превратившим возникшие в силу внутренних причин бумы и пузыри в жилищном секторе в спад, который охватил Европу. Затем прекратившаяся лихорадка на рынке частных ссуд вылилась в череду долговых кризисов, поскольку изначальные долговые навесы домашних хозяйств превратились в банковские кризисы, а те, в конечном счете, трансформировались в кризисы суверенного долга. Пытаясь лечить симптомы суверенных долговых кризисов еще большими дозами бюджетной экономии, европейские власти повышают ставки в игре: в условиях, когда драконовские меры бюджетной экономии загоняют страны-должники в дефляцию долга. Виной этому отчасти являются пороки первоначальной схемы создания валютного союза — авторы конструкции не предусмотрели механизма ре-

гулирования спроса и отрицали необходимость использования инструментов регулирования в рамках государственной макроэкономической политики. Отсутствовала также координация общеевропейской политики в этих вопросах. Ограничивая фискальные трансферты, но не имея возможности предотвратить нарастание «зоны дисбалансов», обуславливающих необходимость таких трансфертов, валютный союз и оказался с нынешним тупике, в том числе в «ловушке очевидности», — справедливо вскрывали внутренние пружины кризиса аналитики [8]. В настоящее время, перенеся непропорционально высокую долю бремени перебалансировки на плечи стран с дефицитом государственных бюджетов, власти Брюсселя — Берлина увеличивают издержки такого курса.

В последнее время был предпринят целый ряд мер, предусматривающих, в частности, создание в качестве главных инструментов регулирования своеобразного «пожарного заслона» в форме Европейского фонда финансовой стабильности и европейского стабилизационного механизма. Однако они, как показал опыт 2012–2013 гг., оказались малоэффективны, поскольку базировались на изначально неверных теоретических конструкциях. По сути, все новые инициативы по-прежнему разрабатываются по традиционной схеме несколько видоизмененного «Вашингтонского консенсуса». Эту мысль подтверждают и эксперты ООН: «Принимаемые меры главным образом направлены на укрепление так называемого Пакта стабильности и роста и приведение политики в соответствие с последним вариантом долговременной программы структурных реформ ЕС — стратегии „Европа-20“. Европа продолжает игнорировать жизненно важные вопросы регулирования внутреннего спроса и надлежащей координации политики в интересах обеспечения внутренней сбалансированности» [7]. Отметим, этот вывод специалистов одной из наиболее авторитетных международных организаций системы ООН был сделан в Докладе ЮНКТАД за 2012 г. Фактически в 2012 г. и почти на протяжении всего 2013 г. экономика большинства стран еврозоны находилась в глубоком финансовом кризисе, хотя на его преодоление были привлечены гигантские финансовые ресурсы. Вопрос состоит в том, что сами основания и принципы рыночного фундаментализма, которому продолжают поклоняться словно божеству, ведущие политики в триаде «МВФ — Брюссель Берлин», обуславливают ничтожный позитивный эффект при

гигантских затратах. В этих центрах силы, как мне представляется, нет реального лидерства крупных деятелей, соответственно, нет политической смелости сменить порочную парадигму экономической политики, которая стала очевидной в результате двух кризисов: 2008–2010 и 2011–2013 гг. Июльский (2014 г.) доклад МВФ прогнозирует предельно низкие темпы роста ведущих стран в текущем 2014 г.: США на уровне 1,5 %, ЕС — порядка 1,0 %, Китая — рост в 7,7 %, Японии — рост 2,1 %, России — рост 0,2 % (в 2015 г. — около 1 %) [5, с. 5]. Как видим, ведущие страны, в том числе европейские, ждут нелегкие времена, и тот просвет, который обозначился в четвертом квартале 2013 г. и несколько расширился в 2014 г., может скоро снова затянуться густой пеленой стагнации. Это будет тем более очевидно, если Брюссель и Берлин будут и далее проводить бесперспективную политику сокращения государственных расходов и «режима экономии» под диктовку МВФ, не говоря уже о разрушительной политике санкций в отношении России, ограничивающих внешнеэкономические связи компаний и банков европейских стран.

Деструктивная роль международных организаций

Нет сомнений в необходимости и огромной позитивной роли международных финансово-экономических организаций, но в конкретной обстановке в Европе в 2010–2013 гг. их деятельность трудно назвать позитивной, скорее — она была контрпродуктивной. Они фактически из ничего вызвали новый сильнейший финансово-экономический кризис при незавершенности предыдущего глобального кризиса (2008–2010 гг.). Первый сигнал о возможном нарушении начавшегося глобального восстановительного процесса я увидел после ознакомления с основными положениями февральского (2010 г.) номера Доклада МВФ. В нем авторы (преимущественно неолиберал-монетаристы) предлагали правительствам, учитывая динамично начавшийся экономический рост, приступить к демонтажу «временных мер регулирования». На протяжении всего 2010 г. был опубликован целый ряд докладов и отчетов МВФ, Всемирного банка, ОЭСР, Базельского банка международных расчетов (БМР), в которых приводились многочисленные аргументы (графики, расчеты, таблицы), обосновывающие такую необходимость. Тогда же в Докладе ЮНКТАД было высказано предупреждение, что делать этого принципиально не следует, по крайней мере, в ближайшем будущем, по-

сколькo начавшийся рост мировой экономики еще неустойчивый и есть опасность его торможения, если будут приняты разнонаправленные политические действия. Тем не менее, европейцы решились встать на эти позиции и демонтировать стимулирующие мероприятия и соответствующий государственный надзор за деятельностью финансовых институтов в целях «нового возвращения рыночных свобод». О характере воздействия на европейскую экономику этих организаций позже Пол Кругман писал: «Одной из отличительных черт экономического дискурса после 2008 г. была паразитически деструктивная роль, которую играло большинство (хотя не все) международных технократов. Перед лицом высокой безработицы и низкой инфляции ключевые институты — Европейская Комиссия (ЕК), Банк международных расчетов (БМР) и Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), МВФ — упорно призывали проводить политику экономии бюджетных ресурсов, которая только усиливала депрессию в развитых странах» [4]. Любопытно, что эти рекомендации появились вовсе не в результате строгого следования традиционным экономическим моделям либерал-монетаризма, как можно было бы ожидать. Традиционные модели в конце концов утверждают, что фискальная политика сжатия приводит к сжатию и не должна применяться, когда эффект от нее может быть нивелирован из-за более свободной монетарной политики. И уж точно эти подходы и модели, при всей их сомнительности, не предполагают повышения процентных ставок в условиях высокой безработицы и низкой инфляции. Однако управленцы-специалисты (технократы) в этих институтах решили, что можно продолжать этот процесс бесконечно. Они сочли, что одновременное ужесточение фискальной и монетарной политики — это правильно. При этом они на ходу выдумывали всякие истории (их трудно называть моделями), чтобы оправдать свои требования. «Думаю, — пишет Кругман, — нам следует называть этих людей просто „кратами“, поскольку „техно“ выкинули в мусорную корзину и заменили интуицией или еще чем-то более сомнительным. ОЭСР, в любом случае, главный злодей, ну или один из главных (БМР может с ней посоревноваться по части дорогих денег, равно как и МВФ) по части проведения политики экономии». И уж точно дела у еврозоны идут очень плохо: рецессия приобрела затяжной характер, а рост оказался слабым. Так чем же это объясняется? Конечно же, все дело в неуверенности деловых кругов, как

утверждает главный экономист ОЭСР. В чем же еще? И эта неуверенность порождена указанными международными регуляторами, их деструктивной политикой «сжатия» и «экономии» в самое неподходящее время. Экономист Антонио Фейтас в статье, посвященной анализу ситуации в ЕС, поражается, что Организация по экономическому сотрудничеству и развитию в Европе как будто не способна даже представить себе возможность того, что плохие экономические показатели Европы — это результат бюджетной экономии. Это можно понять — ОЭСР выступил в числе первых и крупнейших агитаторов курса затягивания поясов. Можно понять, почему они не хотят признать, что, по сути, они подталкивали Европу к катастрофе. Это откровенная боязнь ответственности и вынужденные отставки с теплых местечек. Кругман подчеркивает: «То, что мы только что наблюдали в еврозоне, — это максимально приближенный к реальности эксперимент по бюджетной политике, который нам когда-либо удавалось видеть, и его результаты большей частью указывают на правоту кейнсианских взглядов. Странники политики „экономии“ использовали для запугивания политиков и общественности перспективу возникновения еще одной Греции, чтобы внедрить курс, лишь усугубляющий спад. А неверный подход к Греции, практикуемый многими из тех людей, которые нагнетают подобные страхи, сделал перспективу появления еще одной Греции, более пугающей. МВФ по крайней мере чему-то научился на своем опыте. Но, как написал Рен-Льюис, в ЕЦБ нет никаких признаков ни изменения точки зрения, ни угрызений совести — а он на этом этапе игрок по-настоящему значимый» [2, с. 5]. В то же время управленческий аппарат ЕС (евробюрократия) обходится странам (их населению) довольно дорого — штат насчитывает 46 тыс. чел., бюджет превышает 46 млрд евро ежегодно, минимальная оплата сотрудников — 18 тыс. евро, плюс множество разного рода льгот, распространяющихся на семьи. «Факты указывают, — писал экономист, — что сторонники затягивания поясов в Европе совершили роковую ошибку, разрушив благосостояние миллионов людей. Но виновники этого никогда этого не признают, они будут хвататься за все, что угодно, чтобы выйти сухими из воды. По сути, сторонники затягивания поясов подталкивали Европу к катастрофе. Собственно, это и произошло в 2011–2013 гг., когда вся Европа оказалась в тисках великой рецессии, она значительно ослабла и политически, что усилило

возможности США оказывать на нее всестороннее давление. В этой связи «New York Times» заключает: «Вместо того чтобы учиться на ошибках прошлого, европейские чиновники, кажется, готовы повторить их в Испании, Италии и других странах» [9]. И самое удивительное состоит в том, что эти очевидные ошибки самых влиятельных международных организаций не учитываются должным образом в экономической политике Европейской Комиссии и правительствами Европы. Однако ООН и его организации (Экономический и Социальный советы, ЮНКТАД и др.) имели иную — противоположную — точку зрения на решения, связанные с противодействием новому циклу европейского и мирового финансового кризиса. В июньском (2012 г.) издании ЭКОСОС ООН, в главе 3 под названием «Немного кейнсианства», были подчеркнуты следующие моменты: «После многолетних призывов к ослаблению роли государства в управлении экономикой, многие правительства как в развитых странах, так и в странах с формирующейся рыночной экономикой ввели в действие крупные пакеты стабилизационных мер для восстановления совокупного спроса, и приняли меры для спасения финансового сектора. До кризиса стимулирующая финансово-бюджетная политика зачастую считалась неэффективной на том основании, что любое увеличение дефицита в государственном секторе должно было компенсироваться соответствующим уменьшением частных расходов. Но поскольку воздействие денежно-кредитной политики во время кризиса было ограниченным, традиционная озабоченность сбалансированностью бюджетов или краткосрочными целевыми финансово-бюджетными показателями отошла на задний план и правительства снова начали рассматриваться как «покупатели и заемщики последней инстанции». Это были классические методы кейнсианского регулирования, которые дали положительный эффект и способствовали началу выхода экономики из глубокого кризиса» [7, с. 4]. Что же произошло позже? Об этом свидетельствуют положения Доклада ЮНКТАД: «Однако последние веяния в финансово-бюджетной и денежно-кредитной политике во многих странах, а также рекомендации ведущих международных учреждений, таких, как Международный валютный фонд и Организация экономического сотрудничества и развития, свидетельствуют о том, что за признанием необходимости финансово-бюджетных стимулирующих мер в период кризиса не последовало более глубокое

переосмысление принципов макроэкономической политики. В 2011 г. многие правительства вновь радикально изменили курс своей политики, перейдя от финансово-бюджетных стимулирующих мер к ужесточению финансово-бюджетной политики, а другие планируют пойти на это. Это вызывает особую обеспокоенность, поскольку в большинстве развитых стран, серьезно пострадавших от финансового кризиса, частный сектор еще не завершил процесс корректировки соотношения долгов и активов, в рамках которого нефинансовые субъекты стремятся сократить свою задолженность, а банки стараются восстановить свои коэффициенты достаточности капитала. В процессе такой дефляции долга даже в случае продолжения ослабления курса в денежно-кредитной политике и сохранения низких процентных ставок они вряд ли смогут оказать серьезное стимулирующее воздействие на ожидаемый рост» [7, с. 4]. Далее авторы Доклада ООН подчеркивают, что в подобной ситуации ограничительная финансово-бюджетная политика, направленная на консолидацию бюджетов или сокращение государственного долга, вряд ли увенчается успехом, поскольку национальная экономика функционирует не так, как отдельно взятая компания или домашнее хозяйство (как полагают некоторые эксперты МВФ и других организаций, воздействующие на европейскую и мировую политику). Эксперты ООН дальновидно предупреждали, что меры жесткой бюджетной экономии в силу их негативного воздействия на совокупный спрос и налоговую базу приведут к сокращению бюджетных поступлений и тем самым подорвут консолидацию бюджетов, приведут к ухудшению ситуации в европейских странах и многих других, которые могут стать на аналогичный путь реформирования. В главе «Финансовое дерегулирование открыло двери для принятия чрезмерных рисков» специалисты ООН подчеркнули, что происшедшее увеличение дефицитов государственных секторов и государственной задолженности является следствием тяжелого кризиса финансовой системы, вызванного волной либерализации этой системы, в которой ведущую роль сыграли так называемые англосаксонские страны. Таким образом, есть определенный парадокс в том, что именно те участники финансовых рынков, которые и спровоцировали кризис, призваны судить об оптимальности государственной политики, направленной на уменьшение ущерба от этого кризиса. Либерализация и дерегулирование финансовой системы основывались на широко

распространенной вере в более высокую эффективность рыночных сил, и они привели к формированию все более сложных финансовых инструментов. Новые финансовые инструменты и продолжение либерализации финансовой системы открыли возможность для значительного расширения спекулятивной деятельности, в результате чего биржевая игра превратилась в важный, а порой даже доминирующий элемент финансовой деятельности. Это и стало сильнейшим источником нестабильности во многих странах, да и во всей международной экономической системе. Непоколебимая вера в то, что рынки — это лучшие судьи эффективного распределения факторов производства, подтолкнула разработчиков политики к продолжению такого дерегулирования. Потребовался глобальный финансовый кризис, чтобы в конце концов развернуть серьезную дискуссию по поводу необходимости проведения фундаментальных реформ для предотвращения аналогичных кризисов в будущем. Широкий консенсус в вопросе о том, что дерегулирование явилось одним из главных факторов, приведших к глобальному финансово-экономическому кризису, породил призывы к усилению финансового регулирования и надзора. Фатальный недостаток функционирования финансовых рынков связан с тем, что наибольшую прибыль приносит деятельность, зачастую обусловленная «стадным поведением» (то есть следование на протяжении определенного времени какой-то тенденции и изъятие средств как раз перед тем, как это делает основная толпа). Кроме того, превращение задач сбалансированности бюджетов или низких показателей государственного долга в самоцель может пагубно сказаться на достижении других целей экономической политики, а именно на достижении высоких показателей занятости и приемлемого с социальной точки зрения распределения доходов. В принципе увеличение расходов на инфраструктуру, социальных трансфертов или целевых субсидий для частных инвесторов, как правило, бывает более эффективным в деле стимулирования экономики, чем сокращение налогов, поскольку это непосредственно приводит к увеличению закупок и спроса [7, с. 7]. Такая политика оказывается более выгодной для крупных стран с мощной экономикой, но провальной для слабых и плохо сбалансированных национальных хозяйственных систем, критически связанных с крупными экономическим блоками и мировым хозяйством. В этой связи можно определенно сказать, что треугольник Брюссель —

Берлин — МВФ при очевидном главенстве последнего, навязавшего Европе политику «режима экономии», сокращения государственных расходов, ведет к еще большему ослаблению слабых стран и возвышению Германии, ее экономики. Такая политика — не что иное, как мегильщик экономического роста стран, более слабых по сравнению с мощной экономикой ФРГ, чрезвычайно диверсифицированной, высокотехнологичной и работающей на мировой рынок. Оставив в стороне любые экономические теории, а вооружившись всего лишь самой простой логикой здравого смысла, невозможно понять суть проводимой в ЕС политики. Каким образом экономия финансовых ресурсов в условиях глубокого кризиса может оздоровить больную экономику? Разве не нужно выделять деньги для расширения занятости, поддержки предпринимательства, оказания помощи попавшим в трудную ситуацию категориям населения и т. д.? Нет открытия в той истине, что «режим экономии» надо вводить в периоды динамичного роста, но не в кризисные времена — это азбука и классической, и кейнсианской теорий. Но зато она полностью соответствует новейшим интерпретациям фридманизма, оказавшего столь губительное влияние на мировую экономику. Она соответствует интересам финансовых и правящих политических страт, и что не менее важно — интересам правящей национальной и международной бюрократии. Эти искусственные теоретические конструкции, находящиеся в основе экономической политики, цепко держат в своих объятиях правительства и международную бюрократию, и прежде всего, в силу заинтересованности самой этой бюрократии в такой политике. Объявление глобального рынка неким всемогущим Левиафаном, универсальным регулятором экономических процессов избавило правительства стран и международную бюрократию от ответственности за состояние экономики — «рынок, что поделаешь». А объявление исключительно частной собственности некой священной коровой, находящейся в основании этого рынка, превращает политику в догматизм, укрепляет безответственность политиков, создает иллюзии, основанные на реалиях предыдущих эпох.

Российско-украинский кризис, западные санкции и новые «старые» неотложные задачи

Я, как и многие авторы журнала, много и часто писал на протяжении предшествующих лет о необходимости сбалансировать националь-

ную экономику, восстановить разрушенное машиностроение (и станкостроение), воссоздать бывшее Министерство электронной промышленности, заново построить целиком разрушенное гражданское авиастроение и т. д. и т. п. Все это вдруг оказалось более чем актуальным в свете кризиса наших отношений с Украиной и растущих западных санкций, которые, возможно, расширятся еще больше. Кстати, разрыв с Украиной — это больше чем многие западные санкции, учитывая, что украинский военно-космический комплекс обеспечивал поставки важнейшего оборудования для отечественных тяжелых стратегических ракет (наладку и прочее сопровождение); другие предприятия украинского ВПК поставляли двигатели для военных вертолетов, судовое оборудование и многое другое. Странно и то, что на фоне дружных утверждений о «полном развале экономики Украины» она сумела сохранить производство всего класса знаменитых самолетов «АН» и даже успешно выпускает самый могучий в мире самолет «Мрия» грузоподъемностью в 250 т. И до самых последних месяцев эти украинские предприятия успешно сотрудничали с российскими. Здесь уместен вопрос: почему отечественные «капитаны ВПК» не захотели перенести эти производства в Россию, например, через какие-то дочерние или филиальные предприятия? И почему эта простая мысль не пришла в голову руководящим деятелям правительства? Тем более что денег в казне было в избытке. Не уверен в том, что они смогут хорошо справиться с нынешней, быстро усложняющейся обстановкой, если не справились с этими задачами чуть не в идеальных условиях. Производить какой-то «суперджет» где-то под... Генуей (!), собрав «по нитке» со всего мира какие-то узлы и детали, и затратить на эту халтуру

огромные государственные деньги — видимо, такой метод считался более «эффективным» — но для кого? И вот результат — начало положено — отечественная компания «Добролет» лишилась возможности поднимать свои воздушные суда в российское небо только потому, что она совершила полет в Симферополь. Это ли не позор для страны? Объяснение одно — она летает на судах иностранного производства. Если санкции приобретут более масштабный характер — все воздушные суда «встанут на прикол»: по большей части, это «Боинги», либо другие, но иностранного производства. А мощная строительная, горная и сельскохозяйственная техника? Здесь почти все — иностранного производства, как и производство товаров легкой промышленности (одежда, обувь, бытовая техника и т. д.). Конечно, для Китая, Южной Кореи, Турции, Тайваня и др. (если некоторые из них не присоединятся к режиму санкций) расширяются возможности на российском рынке, но вряд ли они возместят потери с Запада. Таким образом, перед правящим классом (политическим и деловым) стоят сложные задачи по реальной диверсификации народного хозяйства. Для этого требуется полное переосмысление экономической политики, и в частности, избавление правительства от ложных трактовок в духе рыночного фундаментализма, которым оно основательно заражено. России давно нужна другая теоретико-методологическая база для серьезной экономической политики в интересах не только богатого класса, но всего общества. Произносить «правильные» речи умеют многие, но воплощать их в конкретные дела — дано не многим. Хотелось бы, чтобы слова воплотились в реальные достижения, пока не поздно.

Список источников

1. Доклад Стиглица. Доклад международных финансовых экспертов ООН о причинах кризиса : пер. с англ. Ю. М. Юмашева. — М.: Международные отношения, 2010. — 328 с.
2. Кругман П. Ирландию хвалят за успех, но она все еще ждет восстановления // Независимая газета. — 2013. — 10 июня. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/krugman/2013-06-10/5_ireland.html.
3. Кругман П. Кредо либерала : пер. с англ. — М.: Европа, 2009.
4. Кругман П. Япония. Не испортите хорошую идею // Независимая газета. — 2013 — 23 сент. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/krugman/2013-09-23/5_japan.html.
5. ООН. Экономический и Социальный Совет. Обзор. — Нью-Йорк, 2014.
6. Самуэльсон П. Экономика : в 3-х т. — Т. 2. — М.: Соминтек, 1992.
7. ЮНКТАД. Доклад о торговле и развитии, 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://unctad.org/en/Pages/Home.aspx>.
8. Bibow J. (2012). The euro debt crisis and Germany's euro trilemma // Levy Economics Institute of Bard College, Annandale-on-Hudson, NY. Working Paper No. 721 [Electronic resource]. URL: <http://www.levyinst>.
9. New York Times. — 2013. — June, 7.
10. Explosive in the making // Bibow J and Terzi A., eds. Euroland and the World Economy: Global Player or Global Drag? Basingstoke, Palgrave Macmillan : 43-52 // New-YorkTimes. — 2013. — June, 7.
11. Williamson G. ed. Introduction (Latin American Adjustment How much Has Happened?). — Wash.: D.C., 1990.

УДК 330.101.542:658.1

Ключевые слова: история экономической мысли, экономическая теория, экономическая политика, экономический кризис, Великая депрессия, «новый курс» Ф. Д. Рузвельта, «великая рецессия»